

УДК 159.922

ИЗМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПРОЦЕССЕ ВЗРОСЛЕНИЯ

М. Уле

Исследования процесса взросления требуют междисциплинарного подхода. Такими изысканиями занимаются психология, социология, антропология, педагогика, социальная история, медицина. Необходимость понять современные процессы взросления требует учитывать опыт всех этих дисциплин в исследованиях данной проблемы. В последнее десятилетие происходит объединение всех родственных дисциплин в новую отрасль знания, исследующую процессы взросления. Взросление молодых — это общее и необходимое условие для репродукции любого социума. Любая культура и любая историческая эпоха по-своему организует и интерпретирует процесс взросления, поэтому сложно концептуально осветить исследование общего процесса взросления. В статье поставлен вопрос о гендерных различиях во взрослении девочек и девушек в Словении и Европе, а также о том, как и каким образом происходит репродукция гендерных особенностей в процессе взросления во время господствующей нелиберальной идеологии, которая основана на индивидуализации, личном выборе, личной ответственности, правах человека. Современные модели психологии развития приняли господствующий неолиберальный дискурс, который эксплицирует все права одинаковыми для всех, что ведет к сглаживанию размеров соотношения власти и неравенства. В статье рассматриваются процессы, в которых внутри новых дискурсов взросления сохраняются старые модели отрочества, прежде всего гендерноспецифические сценарии взросления, которые меняют открытые формы на закамуфлированные формы практик социализации.

Ключевые слова: гендерные стереотипы; сценарии взросления; модели воспитания; идентификация.

Основные изменения процессов взросления в настоящее время

Интерес к исследованию процессов взросления и течения жизни особенно возрос в последние два десятилетия, что связано со значительными изменениями в биографиях и жизненных планах молодых людей. Эти перемены, в свою очередь, последствия изменений в периодах жизни, или в основных институтах, обеспечивающих нормализацию жизни, жизненного цикла: изменения в образовании, изменение требований к работе и работнику, механизма трудоустройства, изменение моделей партнерской и семейной жизни, модели гендерного поведения, продление жизни. Основная характеристика современной жизни заключается в увеличении возможности выбора жизненного пути, в то время как традиционный выбор прочно фиксировал издавна установленный порядок. Так, и трудоустройство, и рабочее место, и партнерские отношения, и родительство или

семья уже больше не само собой разумеющиеся жизненные этапы, но зависят от выбора индивидуума; когда, почему вступать в тот или иной этап развития и стоит ли вообще это делать. Современное общество борется с осложненным множеством вариантов выбора, в то же время мало помогает принятию решений.

Психология развития и социология относительно единогласно отметили ряд следующих изменений, которые могут указывать на базовые трансформации в субъектных структурах, в конструкции самости и идентичности индивидуума, которые приносят с собой сплетение исторических и общественных изменений в настоящем времени [10].

Изменение индивидуальных и коллективных моделей воспитания. Традиционные способности и добродетели, которые родители и социализирующие институты пытались привить детям и молодежи (скромность, осторожность при принятии решений, долгосрочное планирование жизни, отказ от моментальных удоволь-

ствий в пользу более качественных приобретений в будущем, внутренняя нравственность по отношению к обязанностям и работе) уже более не функциональны в ситуациях когда возникает острая необходимость постоянно и быстро принимать решение и выбирать, когда постоянно «навязываются» наслаждение и сиюминутное (потребительское) удовольствие, когда необходимо уметь в каждый момент «начать с нуля», учиться всюду заново и сначала и когда работа больше не обязанность, но личный выбор.

Изменения структур знания и потеря веры в «Великую историю», как, например, вера в институализированные религии, политические идеологии, национальные мифы. Современная индивидуализированная личность чаще сама для себя создает свой коллаж смыслов из отдельных частных смыслов, идей, убеждений. «Конец метаистории» больше не означает отказа от убеждений и вообще веры в то, что можно объяснить и осмыслить наш мир, но означает конец общепринятых систем объяснения мира [8]. То же самое происходит в развитии знания и науки, когда из-за быстрого прогресса быстро устаревают еще вчера свежие познания и открытия.

Плюрализм жизненных форм и среды, которые находятся в распоряжении личности, и как будто бесконечное множество альтернатив, особенно в сфере потребления, использования свободного времени и все постоянно увеличивающегося производства виртуальных миров, виртуальных обществ, обеспечивающих современные технологии. Проблема заключается в том, что при выборе альтернатив мы не можем больше полагаться на какие-то утвержденные образцы знаний и мышления.

Индивидуализация жизненной программы. Еще несколько десятилетий тому назад жизненный путь прослеживался по предсказуемому и общепринятому, линейному образцу взросления: время образования соответствовало молодости, время работы — взрослому состоянию, время ухода с рынка труда на пенсию — старости. Сегодня же молодежь получает статус взрослого только на основании длительных переговорных отношений с основными

общественными институтами, но не на основании заданных норм и критериев взрослости. Такова одна из причин задержки перехода из молодости во взрослость. Эти переходы все более неясны, они удаляются от традиционных нормативных ожиданий, становятся все более плюралистичными. Из-за проблем в основных общественных институтах переход из молодости во взрослость, как, например, трудоустройство, экономическая самостоятельность, становятся все более рискованным и ненадежным.

Молодые люди по-разному начинают трудовую карьеру, партнерство и заводят собственную семью. Переходы более не спланированы, не ритуализированы, не коллективизированы, они становятся все более индивидуализированы, дифференцированы, направлены на дестандартизацию и дерегуляцию. Отношения между возрастом человека, социальными ролями и участием в общественных институтах изменяются и все менее определены. Это отражается в новых формах мышления о повседневной жизни, жизненных планах, ценностях и целях.

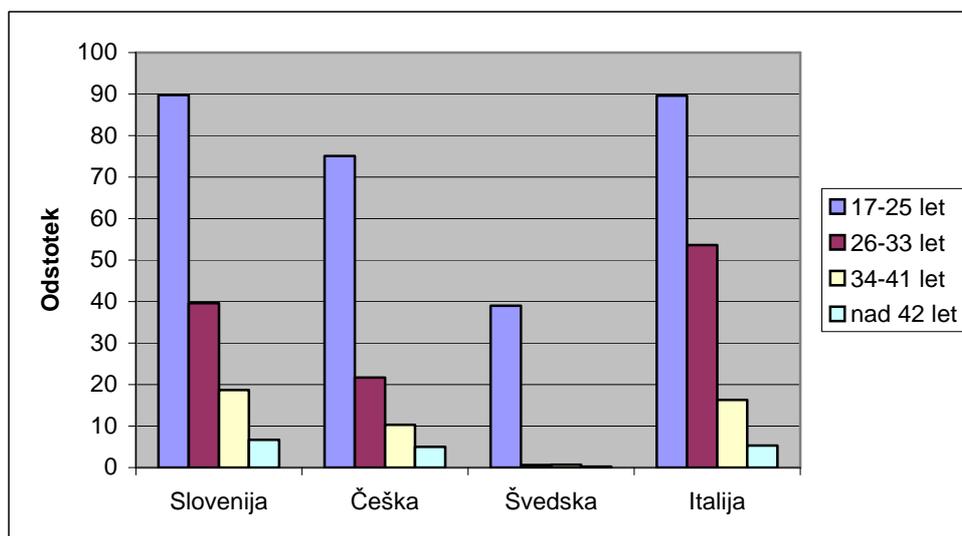
Но эти процессы, конечно, мы не можем квалифицировать только как признак общественного развития или прогресса. Существующая форма характеризуется имплицитным социальным принуждением и большими ограничениями в выборе, жизненными трудностями и сложностями. Продление времени образования, продление жизни в семье родителей, экономическая зависимость, перенос на неопределенный срок родительства (для многих молодых) — может быть, жизненная необходимость, но не выбор. Современная молодежь, пребывая длительное время в семье родителей, получила самостоятельность, но не независимость. Степень самостоятельности изменяется, как показывают данные, также в зависимости от общественно-экономического контекста и условий, в которых живет семья родителей [3]. Если семья имеет экономические проблемы, тогда продление пребывания молодого человека в ней — бремя для семьи, и он получает только минимальную социальную защиту, но не рамки для самостоятельного формирования идентичности взрослеющих. Поэтому понимание взрослости

как субъективного следствия личностного развития преобладает у молодых из средних и высших слоев, понимание взрослости как результата трудоустройства и экономической независимости находим у молодежи из низших социальных слоев.

В целом процесс перехода во взрослость в Европе имеет свои особенности не только в каждом государстве, но и внутри каждого отдельного государства. Результаты наблюдения показывают, что некоторые модели поведения в отдельных государствах, а также между группами отдельного государства более частотны и отличаются от моделей поведения других групп [16]. Галланд [4] находит различия между тремя моделями перехода во взрослость:

- средиземноморская модель — молодые остаются в семье родителей более длительный период; после ухода из семьи быстро вступают в брак;
- североевропейская модель — молодые рано покидают дом родителей, живут вместе парой и поздно начинают семейную жизнь;
- средневропейская модель — более длительный период жизни с партнером, но относительно позднее родительство.

Эмпирическую обоснованность этой типологии показывают результаты международного исследования European Values Survey. Сопоставим результаты исследований длительности пребывания молодых в семье родителей в четырех странах (см. рис.1).

Словения Чехия Швеция Италия

Рис.1. Живёте ли вы вместе с родителями?
(European Values Survey, 2004)

Интересно, что около 90% молодых людей в возрасте 17-25 лет живут с родителями в Словении и Италии, приблизительно — 75% чехов и менее 40% шведов. В возрасте 26 — 33 лет живут с родителями более 50% итальянцев, 40% словенцев, более 20% чехов, но почти — ни один швед, что подтверждает классификацию Галланда о различии между скандинавскими и средиземноморскими государствами. Словения находится в группе государств с сильными межсемейными связями, что характеризует ее как страну с южноевропейской (средиземноморской) культурной моделью.

Интересно отметить, как оценивают родители отсрочку экономической самостоятельности молодых. На основании данных Евробарометра можно заключить, что родители в большинстве случаев не воспринимают создавшееся положение как проблему [11]. Особенно интересна ситуация в Италии, где большое количество молодых не спешат покинуть семью родителей. Их матери относятся к поколению женщин, которые стремились как можно раньше стать самостоятельными. Из дома они обычно уходили с ясными представлениями о том, чего хотят достичь в жизни, сегодня же чувствуют,

что ситуация для их детей изменилась, а взросление более рискованно. Они считают, что современная молодежь психологически более слаба, чем предыдущее поколение и не имеет достаточного опыта, который был у их родителей в молодости. Они полагают, что современный молодой человек менее способен к решению финансовых и других проблем, поэтому, оставаясь в семье родителей, он может рассчитывать на их поддержку и понимание. Такую стратегию их матери понимают как способ уменьшения внешних рисков, поэтому поддерживают становление самостоятельности молодых в семье. Также размышляют родители в других европейских странах.

Все эти изменения становятся причиной внимания политиков к процессам взросления, политиков, занимающихся социальной интеграцией (образование, трудоустройство, жилищная и семейная политика). Молодые становятся «стратегической группой», которая отражает и раскрывает основные общественные изменения. Отмеченные трансформации, без сомнения, входят в число широких общественных и культурных изменений в современном европейском социуме, поэтому не имеет никакого смысла давать анализ этих изменений и ответы на вопросы, связанные с этими изменениями, отделять от контекста времени, например, считать их некоторым психосоциальным или только моральным феноменом.

Изменение процессов взросления и их влияние на изменения стратегий идентификации

Проанализировав эти основные процессы, попытаемся объяснить амбивалентность современных процессов взросления и роль основных институтов в этих процессах. Такой анализ необходим, прежде всего, для построения модели идентичности. Модели развития идентичности подчеркивают, что идентичность состоит из постоянной адаптации ко времени, из качественных изменений уровня развития жизненного пути. Это, по-видимому, является доказательством того, что такое приспособление требует постоянной «работы над своей идентичностью». На аспект развития идентичности и не-

обходимость континуированной работы над идентичностью первым обратил внимание Эрик Эриксон [6]. Ссылаясь на работы Шпица и других детских психиатров, он сконцентрировал свое внимание на континуированную гармонию между взрослеющим субъектом и его социальной средой. Эта гармонизация существенна для нормального развития во всех фазах жизненного пути. Именно Э.Эриксон выявил существенную роль переходного периода из детства во взрослое состояние и формирующую функцию периода взросления при создании идентичности.

Чтобы преодолеть кризис идентичности, от молодых людей требуется больше ответственности, чем раньше, чтобы сознательно интегрировать опыт прошлых частных кризисов идентичности. Для этого возраста характерны интенсивное развитие духовных и физических способностей и принятие решений, особенных приемов реализации социальных ролей. Позитивное разрешение этого кризиса требует от молодого субъекта принять самого себя, свою психофизическую личную целостность, а также того, чтобы другие люди оценили его действия и оказали поддержку при его стремлении самостоятельного включения в общество. Наибольшая опасность в этот период — потеря или диффузия идентичности, т. е. наступает тогда, когда взрослеющий субъект не может интегрированно и целостно удовлетворить требованиям «физической интимности» (не только сексуальной интимности), требованиям выбора профессии, общественному признанию и психосоциальному определению самого себя [6]. Для успешного решения этих задач молодому человеку нужно время, или своего рода мораторий на взрослость. Психосоциальный мораторий у молодежи представляет собой временную отсрочку или прерывание социальных обязательств или нагрузок, прежде всего, для того, чтобы завершить работу над идентичностью.

Модификация процессов взросления в последние десятилетия меняет требования к основной работе над идентичностью, переносимую на более позднюю молодость или раннюю взрослость. Главные причины временного переноса основной работы над идентичностью: 1

— продление образования после классической молодости и распространение образования на все социальные слои; 2 — все большая индивидуализация образовательных каналов и профессионализация взросления [19]. Изменения на рынке труда и угроза потенциального исключения молодых поколений из социальной жизни вынудили политиков предложить разные образовательные программы, продлевающие период образования, что снизило давление на рынок труда. Переходы из отрочества во взрослость уже не предсказуемы, как это было в прошлом, но должны быть обусловлены участием в общественных институтах, которые социализируют молодых людей. Профессионализация взросления сегодня начинается уже в детстве и тянется всю жизнь. Вступление в главное социальное состояние предполагает постоянное трудоустройство, создание собственной семьи и рождение ребенка, в среднем все это отодвигается на более поздние сроки жизни [5]. В то же время некоторая деятельность, сопутствующая взрослости, к примеру, способность действовать на потребительском товарном рынке и самостоятельное формирование стиля жизни, переносится на более ранний возраст.

В подходах к воспитанию взрослеющих детей и молодежи обнаруживается двойной стандарт: с одной стороны, обострение абстрактных требований к эффективности, например, в школе, с другой — смягчение ограничительных воспитательных заповедей в семье. В системе образования дети рано становятся ответственными за результат выполнения программы (для получения аттестата) и принятия решений о дальнейшем образовании. Дома же, напротив, дети легко уходят от обязательств, особенно при сравнении с традиционным воспитанием. Когда исчезает потребность в авторитарном контроле, постоянной проверке и сохранении правил для воспитуемых, тогда изменяется стиль и форма родительского отношения к детям. Родители становятся основными поверенными в делах детей, их защитниками. Исследования, проведенные в Словении в последние два десятилетия, несомненно, это подтверждают [16].

Индивидуализированность все более становится сферой самореализации, а не сферой обязанностей и долга также для них, поэтому для молодых вера в индивидуальность представляет также и общественно-политическое значение. Это результат трансформации семьи в единицу свободного времени в потребительском обществе. Родители все чаще посвящают время личным чувственным и когнитивным потребностям детей и все реже попыткам приспособить их к специфике локальной среды [15]. Знакомство с особенностями среды обитания переносится на более поздний срок. Увеличивается период, когда молодые готовятся к взрослости, работают над собой, а родители и образовательные учреждения помогают им; однако уменьшается количество лет, когда молодые активны на рынке труда.

Вместо надзорных систем семьи и школы в воспитании реализуются новые формы социального надзора над молодыми, особенно контроль через потребление, институт свободного времени и культурной индустрии. Новые «контролеры» юношества и молодежи воздействуют через рано развитые модели внутренних инструкций, образцов поведения и потребностей, которые навязывают масс-медиа и рынок. Контроль становится все более безличным, функциональным, как, например, светофор вместо полицейских на перекрестках, телевизионные советы через ТВ вместо межличностных советов и предупреждений родителей или учителей, виртуальные миры вместо непосредственных контактов и социального соревнования [20]. В противоположность прямому и иерархичному контролю семьи и школы новые формы контроля опосредованы и построены на формальном принципе равноправия и свободе покупателей и пользователей.

Хотя молодые экономически маргинализированы, тем не менее, что парадоксально для PR-менеджеров и рынка, самый важный источник потребительских целевых групп — это именно молодежь (часто за счет родителей). Из-за растущей покупательной способности молодые — целевая группа для рынка продаж модной одежды, популярной музыки. Джеймс Котэ говорит, что молодежь в США представ-

ляет собой большой рынок, в котором вращается почти 3 млрд долл. в год. Две третьих этих издержек покрывают родители, а одна треть — это деньги молодых из «серой» экономики. Это потребление в целом порождает поп-культура, которую пропагандируют масс-медиа [4]. В прошлом эта культура создавалась внутри группы одного возраста, сегодня же формированием ее руководит индустрия свободного времени. Молодые особенно ощущают такое воздействие, потому что оно дает молодым потребителям иллюзию полной (суррогатной) идентичности. Экспериментирование с идентичностью позволяет рынку манипулировать молодыми.

Молодые по-разному реагируют на это «империалистическое» поведение современной политической и рыночной экономики. В семидесятых и восьмидесятых годах прошлого столетия молодежь не была пассивной по отношению к этому явлению, а культивировала собственную культуру и сопротивление, а не потребление. Однако рынок быстро начал парировать это сопротивление путём производства рыночной продукции для молодых. Сейчас множество символов молодежного сопротивления приняты, кодифицированы и служат отличительным знаком политики молодых. Исследования проблем молодых в последнее десятилетие в Словении и других частях Европы показывают, что молодые сами решают проблему своего внешнего вида и выступают в потреблении как настоящие покупатели уже в конце детства. Другие переходы, такие как создание семьи или рождение детей, откладываются в глубокую взрослость [16]. Олк [13] утверждает, что переход во взрослость развивается в группе несвязанных и частичных переходов и приобретает облик коллажа, любительского панно. Переходы включают в себя удлиняющиеся периоды «становления», переходы в следующее состояние «бытия»: *быть* трудоустроенным, *быть* потребителем, *быть* партнером, отцом, другом. Проблема молодых больше не «кто я», но «как меня воспримут другие».

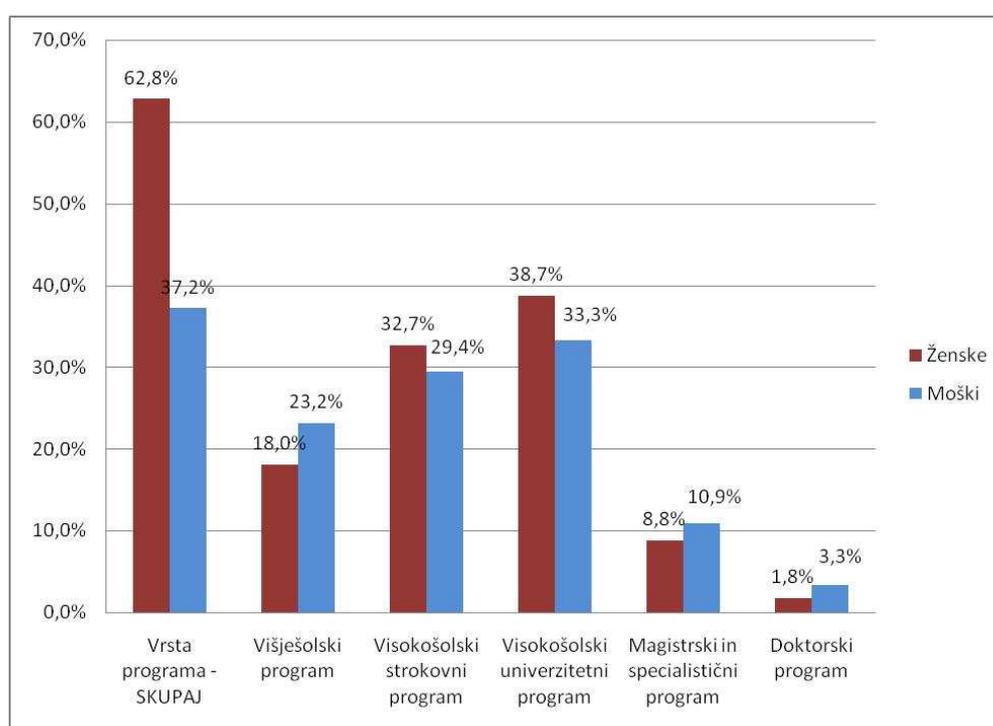
Положение девушек и молодых женщин в период взросления

Период юношества и молодости — особенно важный период для социализации гендерных ролей и формирования идентичности. Формирование половой идентичности — одна из «центральных» задач, которую должен решить подросток во время юношества и молодости. Поэтому изменения в процессе взросления особенно значимы при формировании гендерной идентичности и гендерных различий. Гендерные различия становятся заметными и значительными из-за физических изменений и традиционных требований к исполнению заданных гендерных ролей [2]. Культура предъявляет во всем современном мире более жесткие требования социализации, чем физиологические изменения, и даже более важна для полового специфического взросления, чем телесное развитие. Из-за постоянного давления традиции, масс-медиа и других общественных институтов сохраняется асимметричное отношение между мужчинами и девушками, что способствует формированию идентичности девушек. От того, насколько и каким образом они согласятся на роль слабого пола, зависит репродукция традиционных гендерных ролей и гендерных отношений.

Взросление девушек — это социально конструируемая реальность, которая со ссылкой на физиологию и психологию натурализует свой гендерно дискриминационный характер. Положение и общественные возможности девушек реализуются как индивидуально, так и коллективно при участии субъекта в институализированных практиках и дискурсах, которые определяют женскую молодость или молодость женщины. Характеристики женской молодости изменяются в зависимости от исторического периода и обусловлены общественным контекстом, расой, этнической и классовой принадлежностью, сексуальными практиками и другой деятельностью. Институциональные условия в отдельных социумах, как, например, доступность образования, трудоустройство, экономическая независимость, значительно влияют на положение девушек и молодых женщин.

Во взрослении, конечно, наиболее важным является образование и образовательная политика. С одной стороны, открытость школы для представителей обоих полов в Европе дает девушкам возможность не только для образования в различных областях, получения разных трудовых квалификаций, но и создания самостоятельной концепции профессиональной

карьеры. Все большее число девушек получают качественное вузовское образование. Сравнение данных об образовательных путях девушек и юношей в ЕС в 2005–2008 гг. показывает, что численность поступающих девушек в высшие учебные заведения больше, чем юношей, кроме того, они заканчивают вузы более успешно, чем юноши.

Общий показатель Программа высшей школы Программа высшей профессиональной школы Университетская программа Магистерская специальная программа Докторская программа

Рис. 2. Выпускники вузов Словении в 2008 г. сервисного направления по отдельным вузовским программам в гендерном сопоставлении, % (Urad za statistiko)

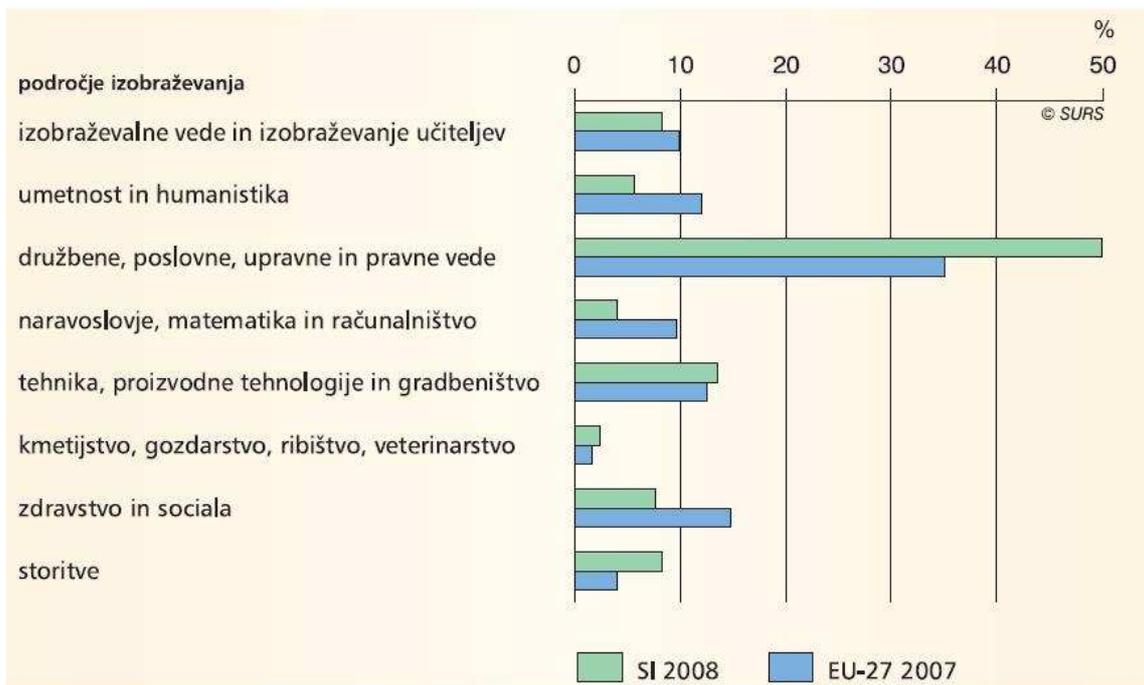
Ситуация в образовании складывается драматично с середины 70-х гг. прошлого столетия. Массовое продление образования сопровождается продлением образования девушек. Однако наивно было бы объяснять эти изменения как большое достижение. Несмотря на то, что девушки достигают более высокой квалификации во всех областях науки и производства, эта квалификация относится к типично женским профессиям, в то время как юноши получают квалификацию для приобретения новых престижных профессий, например, в области новых технологий.

Данные рис. 2 дают исключительно важное гендерное различие. Девушки в Европе и Сло-

вении преобладают в гуманитарных, общественных программах, здравоохранении и социальных программах, молодые же люди - в естественных и технических областях. Девушки в основном выбирают такие вузы и профессии, которые совпадают с традиционными предрассудками о гендерной соотнесенности талантов и способностей. Это может оказаться судьбоносным для жизненного и карьерного пути девушек и женщин. Область образования, которую по-разному «выбирают» юноши и девушки, не связаны с действительными способностями. Как показывает исследование PISA 2006, которое было проведено в рамках OECD (организация экономического сотрудничества и

развития), девушки, например, в Словении в среднем на 8 позиций выше, чем юноши в познании естествознания. Такие же результаты

получены при анализе состояния дел в Болгарии, Эстонии, Финляндии, Греции, Латвии, Литве и Румынии.

Область образования	Образование учителей и педагогические науки	Искусство и гуманитарные науки	Общественные науки, менеджмент, управление и право	Естествознание, математика и компьютерные науки	Техника, производственные технологии и строительство	Сельское хозяйство, лесопромышленность, рыболовство, ветеринария	Здравоохранение и социальная защита	Сервис
---------------------	---	--------------------------------	--	---	--	--	-------------------------------------	--------

Рис. 3. Выпускники вузов сервисного направления по областям образования. ЕС-27, 2007 и Словения, 2008 г. (Eurostat)

Данные сведения не содержат в себе ничего нового, поскольку похожее соотношение уже было отмечено исследованием в Европе в 1994г., посвященном образованию девушек и женщин, которое основывалось на данных восьмидесятых и девяностых годов прошлого столетия [18]. Отчет ЮНЕСКО представляет собой несколько гипотез о том, почему появляется такое большое несоответствие поступающих на естественные, технические и математические факультеты юношей, с одной стороны, и гуманитарные, общественных наук и т.п. девушек – с другой. Представления о традиционных гендерных ролях ограничивает разнообразие выбора и обучения профессии, возможностей, которые существуют у большинства девушек. На выбор влияют ожидания девушек дальнейших профессиональных возможностей, ожида-

ния родителей, специфическая склонность девушек к профессиям, связанным с заботой, и меньшее тяготение к технике, меньший удел вузовских стипендий, которые получают девушки [16; 18]. Как сообщает исследование ЮНЕСКО, девушки выбирают вуз против своей воли, т.к. не могут противостоять давлению в связи с «подходящим» для них образованием [18]. Наряду с этими ожиданиями и требованиями имеет значительное влияние постоянно обновляемая традиция гендерной дискриминации при поступлении на факультеты разных векторов образования, а также мужская направленность естественно-научного и технического образования, что видно уже из содержания учебников, выбора примеров, методики преподавания, общего климата в аудитории.

Статистика трудоустройства также подтверждает подобное положение дел. Правда, процент трудоустроенных женщин в ЕС постоянно растет. В некоторых местах трудоустроенных женщин даже больше, чем мужчин. Однако многие трудоустроенные женщины имеют возможность работать только ограниченное время на низкооплачиваемой должности в сервисе и торговле. Некоторые экономисты называют такое трудоустройство *«параллельный рынок труда»*. К тому же у женщин меньше надежды сделать профессиональную карьеру, чем у мужчин, и, по сравнению с последними, женщины реже получают хорошо оплачиваемую работу. Это особенно опасно для девушек во время общественного кризиса. Когда для семьи образование становится слишком большим бременем, урезают финансирование образования в первую очередь девушкам, и при сужении рынка трудоустройства в первую очередь страдают женщины.

Таковы результаты исследований и в Словении. Во время изучения положения студенческой молодежи в Словении, проведенном в 2008г., студентам и студенткам был задан вопрос, ожидают ли они трудностей и сложностей при трудоустройстве [16]. Ответы, полученные исследователями, представляют определенный интерес. Так, предстоят сложности с трудоустройством для значительного числа студенток, чем студентов. Более одной трети студенток, чем студентов, считают возможными трудности при трудоустройстве, потому что они получают профессию, на которую нет спроса. Также почти в два раза больше студенток считают, что из-за кризиса сложно будет трудоустроиться. И, наоборот, в два раза больше студентов, чем студенток, считают, что будет легко трудоустроиться, потому что их профессия востребована.

Несмотря на то, что молодые женщины имеют большой доступ к профессиональной карьере, достижение ими самых высоких постов даже в значительно феминизированных профессиях, таких как здравоохранение, образование, социальная работа, менее вероятно. Исследования показывают, что девушки рано привыкают к мысли о гендерной обусловлен-

ности специфической модели профессиональной карьеры. И большинство молодых женщин ожидают, что будут трудоустроены вне дома большую часть своей жизни, но в профессиях, которые отражают традиционное деление гендерных ролей в типично женской карьере. По их мнению, эти профессии дают женщинам надежное социальное положение и надежную профессиональную идентичность [16]. Несмотря на то, что выбор профессии женщинами отражает гендерную модель принятия решений, для них трудоустройство не менее важно, чем для юношей, и безработица является не меньшей катастрофой. Подобное положение дел характерно и для отношений к семье. Данные показывают, что у девушек значительно иное, чем у юношей, положение в родительской семье [16]. Прежде всего, девушки из нижних социальных слоев намного больше включены в хозяйственные дела и обязанности, чем юноши. Родители более строго контролируют их деятельность. Несмотря на то, что качество отношений в семье, может быть, изменилось, традиционные гендерные идентичности остались неприкосновенными и даже усилились, потому что люди в различные виды коммуникации вступают чаще, чем до сих пор.

Не произошло существенных изменений и в других областях жизни. Несмотря на то, что коммерциализация свободного времени подразумевает бесклассового, «бесполого» серого потребителя, интересующегося только индивидуалистичными увлечениями, касающимися личного удовольствия, здесь тоже заметна гендерная отнесенность. Открытие женщины как потребителя – причина того, что рынок и торговая реклама обращаются к ним как к типичным женщинам, что обуславливает новые гендерные различия. «Идеальная» девушка, как утверждает Джонсон [9, с.6], в исследовании дискурсов девичества, – гетеросексуальна, невинна, послушна, ухожена, направлена на семью, профессионально не заинтересована и услужлива».

Современное неолиберальное общество манипулирует сознанием девушек более тонко

В позднем модерне в соответствии с типичным неолиберальным дискурсом выбора, индивидуализацией развития, правом ребенка начинают изменяться модели психологического развития детей. Психологи развития заменили дискурс, который основывался на «защите ребенка и заботе о нем», другим дискурсом, основанным на «соучастии и понимании ребенка» [7]. Этой заменой они, желая того или не желая, удовлетворяют потребностям капитала, который в детях и молодежи видит только большой потенциальный рынок. Так, медийный дискурс, прежде всего рекламный, часто ссылается на право детей быть полноправными участниками рынка. Возвращение концепта ребенка как маленького взрослого в неолиберальной модели современного общества становится особенно проблематичным в период взросления девочек и девушек. На первый взгляд, их допустили к участию в продлении образования, но на самом деле общество не принимает всерьез их талантов и способностей, направляя их в «типично женские профессии», хуже оплачиваемые, менее ценные, с более сложным трудоустройством. К тому же рынок обращается к ним с предложениями сексуализированной женской моды для девочек, ссылаясь на потребность детей/девочек быть красивыми, признанными, уверенными в себе, предупреждая, что уверенность в себе и место в обществе можно получить за счет чувства стиля и внешнего имиджа. Так, уже в детстве девочки обучаются тому, что общественное признание покупается. В целом женщины стали экономически самостоятельными, могут принимать решения на всем протяжении своей профессиональной карьеры, выбирать стиль жизни, решать проблему рождения ребенка, легализовалась гибкость гендерных ролей. Еще каких-нибудь полвека назад о такой свободе нельзя было и мечтать. На первый взгляд может показаться, что женщины приобрели от новой «неолиберальной экономики» больше, чем мужчины. Все больше их число получает высшее образование, и их успех на

всех уровнях образования со временем растет. Больше, чем юноши, они приспосабливаются к требованиям гибкого трудоустройства и гибким обстоятельствам личной жизни [1]. Кроме того, значительно расширились «женские секторы» трудоустройства (торговля, сервис, коммуникации).

Опыт последних десятилетий показывает, что уравнивание возможностей не приводит к уменьшению дискриминации по признаку пола. Эти возможности и свободы слишком нестабильны, амбивалентны и чувствительны к изменениям в общественных отношениях и отношениях, чтобы мы могли и дальше не обращать внимания на формы давления, несправедливости и дискриминации в отношениях между полами. Когда образование становится для семьи слишком большим бременем, прежде всего, отказываются финансировать образование девушек, а когда рынок труда сужается, у женщин возникает больше проблем с трудоустройством, чем у мужчин. На наш взгляд, только личный выбор и индивидуальные способности определяют судьбу субъекта в этой ситуации. По-видимому, это и есть причина того, что прежде всего молодые женщины как раз из-за этой иллюзии возможности индивидуального выбора не видят дискриминационных механизмов и принимают роли, которые им навязывает общество, как собственный выбор. Мы можем заключить, что, несмотря на высокий процент девушек в процессе образования, эта «новое преимущество» девушек — только видимость. Особенно для девушек из социально непривилегированных и маргинальных слоев: они находятся даже под более сильным давлением, чем были в традиционном индустриальном обществе.

Заключение

Многочисленные исследования в Европе, а также в Словении указывают на возрастающий объем проблем взросления и периода перехода во взрослую жизнь и рисков, которые связаны с разрешением этих проблем. Изменяется регистр причин этих проблем, поскольку их сложно определить, они скрываются в дисперсной сети глобальной и локальной ситуа-

ций, на которые личность оказывает очень малое влияние, хотя вынуждена что-то предпринимать, поскольку в противном случае вся тяжесть последствий ложится на нее. Кульминацией прессинга индивидуальной ответственности является осознание рисков молодыми в качестве их личных кризисов, а не как результат процессов, находящихся вне их личной деятельности, личного влияния на ситуацию. Молодые ощущают личную ответственность за потерю работы. Неуспех в школе считается последствием недостаточного прилежания или недостатком способностей, неблагополучные молодые воспринимаются как результат недостатка строгого семейного воспитания и отсутствия ценностей. Также социальную маргинализацию молодые понимают не как объективные обстоятельства, но как недостаток сил изменить ситуацию, в которой находятся [16].

Такое положение дел, прежде всего, судьбоносно для взросления современных девушек и молодых женщин. Современное потребительское общество сегодня иначе совершает прессинг на молодых девушек, гораздо более скрыто и тонко. Социализация девушки сегодня происходит не для гендерной роли традиционного дискурса рождения ребенка, семьи и хозяйства. Сегодня их социализируют, концентрируя их внимание на внешнем виде, имидже тела, требованиях моды и трендов. Физическая привлекательность, которую диктует рынок и масс-медиа, становится важной частью женской гендерной роли. Девушки и молодые женщины сегодня находятся в ситуации, где, строго говоря, формальные препятствия к равноправию отстранены, но существуют намного более тонкие и скрытые препятствия в форме идеологии гендерных ролей.

Кроме всех других препятствий в процессе взросления и перехода во взрослое состояние, которые уже были перечислены, идентичность человека находится под значительным давлением современного потребительского капитализма, который предлагает стимуляции искусственного удовлетворения потребностей и отвлекает человека от видения и решения своих личных и общественных проблем для развития стабильных и крепких структур своего личного

пространства. Следствием этих изменений становится пассивная, диффузная идентичность как адаптированный ответ на сложный, ненадежный и неясный переход к взрослости. Последние исследования показывают, что молодые взрослые развивают две стратегии для борьбы с проблемами идентичности: (1) развивающую и (2) **обходящую** стратегии проблем идентичности [14].

На выбор этих стратегий оказывает значительное влияние доверие, возможность разрешения проблем и принятие жизненных решений. Доверие зависит от социально-экономических условий, адекватных структур поддержки молодых людей, а также психологического фона. Приверженцы развивающей стратегии верят в собственную деятельность, активность, в решениях идентичности без труда учитывают множество различных возможностей. На много более когерентно, чем молодежь с «обходящей» стратегией, они организуют и направляют свои партнерские связи, карьерный рост и взгляд на мир, более удачно используют разные шансы и возможности.

Те, кто исповедует «обходящее» направление, не имеют такого ощущения и поэтому стремятся к конформизму с семейными и социальными ожиданиями, к откладыванию, избеганию решения проблемы идентичности. Молодые взрослые, следующие направлением «обходной» индивидуализации, показывают относительно низкое самоуважение, отсутствие жизненной цели и показывают более низкую обязанность по отношению к своей цели, ценностям и убеждениям [14]. Исследование ими идентичности менее направлено, больше зависит от разных случайностей и чаще приводит к жизненным неудачам и ошибкам. Проблема их идентичности не выражается в систематичном исследовании доступных возможностей, а заканчивается бесцельностью и хаотичностью, которые характерны для классической диффузной идентичности. Эти различия не позволяют объединить взрослеющих молодых в какую-то одну социальную группу с едиными целями и характеристиками.

Perevod I.N. Shchukina i Zh. Knap

Список литературы

1. *Aapola S., Gonick M., Harris A.* Young Femininity. Girlhood, Power and Social Change. Houndmills in New York: Palgrave, 2002.
2. *Arnett J. J.* Adolescence and Emerging Adulthood. New Jersey, Pearson: Prentice Hall, 2004.
3. *Biggart A., idr.* Families and Transitions in Europe: State of the Art Report. European Commission, HPSE-CT2001-00079, Bruselj, 2003.
4. *Côté, J.* Arrested Adulthood. The Challenging Nature of Maturity and Identity. New York: New York Univ. Press, 2000.
5. *Du Bois-Reymond M., Chisholm L. (ur.)* The Modernization of Youth Transition in Europe. San Francisco: Jossey-Bass, 2006.
6. *Erikson E. H.* Identität und Lebenszyklus. Frankfurt: Suhrkamp, 1977.
7. Eurostat, dostopno na: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=1996,45323734&_dad=portal&_schema=PORTAL&screen=welcomeref&open=/edtr/educ/educ_isc97&language=en&product=EU_MASTER_education_training&root=EU_MASTER_education_training&scrollto=0.
8. *Gergen M., Davis S. (ed.)* Toward a new Psychology of Gender. New York: Routledge, 1997.
9. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.
10. *Johnson L.* The Modern Girl. Sidney: Allen and Unwin, 1993.
11. *Leary M.R., Tangney J.P.* Handbook of Self and Identity. New York: The Guilford Press, 2002.
12. *Leccardi C., Ruspini E.* A New Youth. Young People, Generations and Family Life. Hampshire: Ashgate, 2005.
13. OECD, PISA 2006, dostopno na: http://www.pisa.oecd.org/document/2/0,3343,en_32252351_32236191_39718850_1_1_1_1,00.html.
14. *Olk T.* Jugend und gesellschaftliche Differenzierung. Beiheft: Zeitschrift für Pädagogik.
15. *Schwartz J. idr.* Identity and agency in emerging adulthood: Two developmental routes in the individualization process// Youth & Society. Vol. 37. No 2. P. 201-22.
16. *Ule M.* Changes in family life courses in Slovenia. V: ROBILA, Mihaela (ur.). Families in Eastern Europe, (Contemporary perspectives in family research, vol. 5). Amsterdam [etc.]: Elsevier JAI, 87-101.
17. *Ule M., Kuhar M.* Orientations of young adults in Slovenia toward the family formation// Young. Vol. 16, no. 2. P. 153-183.
18. *Ule M. idr.* Na mladih svet stoji, kje pa stojijo mladi — študentje?. Teor. praksa, 48/1, 7-24.
19. UNESCO Education of Girls and Women in Europe. Contribution of UNESCO to the European Conference on Women. Dostopno prek: <http://unesdoc.unesco.org/images/0010/001029/102969E.pdf>.
20. *Walther A. idr.* Participation in Transition. Motivation of Young Adults in Europe for Learning and Working. Frankfurt: Peter Lang, 2006.
21. *Zinnecker J.* The Cultural Modernization of Childhood. V: L. Chisholm idr. Growing up in Europe. Berlin, New York: W. de Gruyter, 1995.

CHANGES OF GENDER STEREOTYPES THROUGHOUT THE MATURING

Mirjana Ule

Prof. dr., Univerza v Ljubljani, Fakulteta za družbene vede

The maturing process research needs a multidisciplinary approach. Such an approach is represented inherently in psychology, sociology, anthropology, pedagogy, social history, medicine. However, all these disciplines must be taking into account when one needs to understand the contemporary processes of maturing. In the last decade, a new discipline integrating aforementioned sciences is emerged which is aimed at the study of maturing itself. The maturing of young people is a general and necessary condition of the reproduction of any society. Cultures and historical epochs establish and interpret the maturing process according to their own features; as a result, it's difficult to elucidate conceptually the general process of maturing. The article puts forward the issue of gender differences in the maturing in Slovenia and Europe. Moreover, the reproduction of gender features during the maturing in the context of neoliberal ideology based on individualization, personal choice, personal responsibility, human rights is considered in the article. Contemporary developmental psychology models have taken the prevalent neoliberal discourse which explicates all the rights to be equal for everyone which leads to the smoothing of the ratio of the authority to the inequality.

Keywords: gender stereotypes, maturing scenarios, upbringing models, identification